Ганс Христиан Андерсен

Большой морской змей

Жила-была одна маленькая морская рыбка из хорошей семьи;
Имени ее не упомню; это пусть скажут тебе ученые. Было у рыбки тысяча восемьсот сестриц-ровесниц; ни отца, ни матери они не знали, и им с самого рождения пришлось промышлять о себе самим, плавать, как знают, а плавать было так весело! Воды для питья было вдоволь — целый океан, о пище тоже беспокоиться не приходилось — и ее хватало, и вот каждая рыбка жила в свое удовольствие, по-своему, не утруждая себя думами.
Солнечные лучи проникали в воду и ярко освещали рыбок и целый мир удивительнейших созданий, кишевших вокруг. Некоторые были чудовищной величины, с такими ужасными пастями, что могли бы проглотить всех тысячу восемьсот сестриц зараз, но рыбки об этом и не думали — ни одной из них еще не пришлось быть проглоченной.
Маленькие рыбки плавали все вместе стадом, тесно прижавшись друг к другу, как сельди и макрели. Но вот однажды, в то время как они беззаботно плавали себе, ни о чем не думая, в самую середину их стада шумно бухнулась сверху и начала погружаться в воду какая-то тяжелая и такая длинная штука, что ей, казалось, и конца не будет! Она тянулась, стремительно шла ко дну, давя и калеча на пути попадавшихся рыбок. И все рыбы — и маленькие, и большие, и те, что держались на поверхности, и те, что гуляли в глубине, — в ужасе улепетывали в разные стороны. Страшная тяжелая штука между тем погружалась все глубже и глубже, вытягивалась все больше и больше и, наконец, протянулась на много-много миль по дну морскому, через все море.
Рыбы и слизняки, все, что плавает, ползает или носится по течению, — все видели эту чудовищную штуку, этого невозможного, невиданного морского угря, который так неожиданно свалился к ним в море.
Что же это была за штука? Да мы-то знаем! Это был огромный, в несколько миль длиною, морской телеграфный кабель, который проложили люди между Европой и Америкой.
То-то смятение, то-то переполох поднялся между законными обитателями моря! Летучие рыбы подпрыгивали на воздух так высоко, как только могли, а керцы выскакивали из воды на целый ружейный выстрел — такие уж прыгуны! Другие же рыбы искали убежища на дне, да так стремительно, что далеко опередили телеграфный кабель и успели напугать и треску, и камбал, которые так мирно разгуливали в глубине, поедая своих ближних.
Несколько колбасообразных голотурий так перетрусили, что выплюнули весь свой желудок и все-таки остались в живых — им это нипочем. А сколько повышло из себя от перепуга омаров и крабов! Да еще как! Так что под броней остались одни ножки!
Во время всего этого переполоха тысяча восемьсот сестриц-рыбок рассеялись в разные стороны и больше уж не встречались, а может быть, и встречались, да не узнавали друг друга. С десяток сестриц удержались, впрочем, вместе, и когда первый страх прошел, вышли из оцепенения, в котором пробыли несколько часов, и принялись любопытно озираться вокруг.
Поглядели они по сторонам, поглядели вверх, поглядели вниз, и им показалось, что они видят в глубине ту ужасную штуку, которая так напугала всех — и больших, и малых. Она была очень тонка на вид, но ведь почем знать, насколько она может раздуться или насколько вообще сильна! Она лежала на дне смирнехонько, но они подозревали, что это она только так, лукавит.
— Пусть ее лежит, где лежит! Нам до нее дела нет! — сказала самая осторожная из рыбок, но самая маленькая не хотела отказаться разузнать, что это была, собственно, за штука. Явилась она сверху; наверху, значит, надо и начать разведку, и вот рыбки поднялись на поверхность. Стоял штиль; море лежало как зеркало.
Там они встретили дельфина. Это такой гуляка, вертопрах, знай себе кувыркается на морской

поверхности, но глаза-то у него есть — наверное, уж он видел ту штуку и знал о ней что-нибудь! Рыбки приступили к нему с вопросами, но он был занят только самим собою и своими прыжками, ничего не видал, ни о чем не знал и гордо помалкивал.
Тогда рыбки обратились к тюленю, который только что погрузился в воду. Этот оказался вежливее, нужды нет, что он ест маленьких рыбок; сегодня, впрочем, он был сыт. Он знал немножко побольше прыгуна-дельфина.
— Я много ночей провел, лежа на мокром камне и поглядывая на землю. Прелукавые создания эти люди, как они сами себя называют! Они всячески стараются истребить нас, но чаще всего мы ускользаем из их рук. Мне это удавалось, удалось вот и тому морскому угрю, о котором вы спрашиваете. Он попался им в лапы, вероятно, еще в незапамятные времена и с тех пор оставался на земле. Но вот они вздумали перевезти его на судне в другую, еще более отдаленную землю. Я видел, как они старались и тужились и наконец-таки одолели его — конечно, он успел ослабеть там, на суше! И вот они согнули его в кольцо; я слышал, как он хрустел и трещал, когда они укладывали его, но потом ему все-таки удалось ускользнуть от них сюда! Они держали его изо всех сил, вцепились в него сотнями рук, а он все-таки удрал от них на самое дно и теперь лежит там пока что!
— Он что-то тонок! — сказали рыбы.
— Они заморили его голодом! — ответил тюлень. — Но погодите, он скоро оправится, опять войдет в тело! Я полагаю, что это-то и есть тот большой морской змей, о котором люди так много толкуют и которого так боятся. Раньше я никогда его не видывал и даже не верил в него, но теперь верю. Это он и есть!
И тюлень нырнул вглубь.
— Как много он знает! Как много он насказал! — затараторили рыбки. — Я сроду не знавала столько! Только бы он не наврал нам!
— Мы можем спуститься на дно и удостовериться! — сказала самая маленькая. — По дороге же узнаем, что говорят другие!
— Ну, нет, мы не шевельнем плавником, чтобы разузнавать еще! — сказали остальные рыбки и отстали.
— А я так добьюсь своего! — сказала самая маленькая и устремилась на дно. Но она оказалась далеко от того места, где лежала «длинная штука». Рыбка принялась искать ее, шныряя во все стороны.
Никогда еще не думала она, что мир их так велик. Сельди гуляли огромными стаями, блистая чешуей, словно исполинские лодки из серебра; макрели ходили такими же стаями и сияли еще ярче. Повсюду гуляли рыбы всех родов и видов, всевозможных оттенков. Медузы, точно полупрозрачные цветы, неслись по течению; со дна подымались большие растения, трава в сажень вышиной и пальмообразные деревья; на каждом листке красовались блестящие раковинки.
Наконец, рыбка увидела на дне какую-то длинную темную черту и устремилась к ней, но оказалось, что это не рыба и не кабель, а борт затонувшего корабля; верхняя и нижняя палубы его были снесены волнами. Рыбка вплыла в каюту; течение унесло оттуда всех утонувших вместе с кораблем людей, исключая двух: молодой женщины и ребенка, которого она держала в объятиях. Волны слегка приподымали их, словно баюкая; и мать, и ребенок казались спящими. Рыбка совсем перепугалась: она ведь не знала, что они не могут больше проснуться. Водяные растения обвивали борт корабля и сплелись беседкой над прекрасными трупами матери и ребенка. Как тут было тихо, пустынно! Рыбка поспешила поскорее убраться отсюда туда, где вода была освещена ярче и где попадались живые рыбы. Немного спустя рыбка встретила молодого кита, огромного-преогромного.

— Не ешь меня! — взмолилась рыбка. — Я такая маленькая, меня и на глоток-то не хватит, а мне так хочется жить!
— А что тебе понадобилось тут, в глубине? Тут ваша сестра не водится! — сказал кит.
И рыбка рассказала ему о длинном диковинном угре, или чем там была эта штука, которая погрузилась сверху и напугала даже самых храбрых обитателей моря.
— Ого! — сказал кит и так потянул в себя воду, что можно было представить себе, какой он пустит фонтан, когда опять вынырнет на поверхность! — Ого! — продолжал кит. — Так это та штука, что пощекотала меня по спине, когда я повернулся на другой бок! А я-то думал, что это корабельная мачта, и радовался было, что нашел себе хорошую чесалку! Но случилось это не тут! Нет, штука та лежит подальше! Что ж, надо от нечего делать расследовать, в чем дело!
И он поплыл вперед, а маленькая рыбка за ним — на почтительном расстоянии — он оставлял за собою такой бурный, пенящийся след.
На пути они встретили акулу и старую меч-рыбу. Те тоже слышали о диковинном тонком и длинном угре, но еще не видели его и непременно хотели.
Потом явился морской кот.
— И я с вами! — сказал он. — И если этот большой морской змей не толще якорной цепи, я разом перекушу его пополам! — Тут он открыл свою пасть и показал шесть рядов зубов. — Я могу оставить ими метку на корабельном якоре, так уж этакий-то стебелек и подавно перекушу!
— Вот он! — сказал кит. — Я вижу его! — Он воображал, что видит лучше других. — Глядите, как он подымается, извивается, корчится!
Но это был вовсе не морской змей, а огромнейший морской угорь, в несколько сажен длиною.
— Ну, этого-то я и раньше видела! — заявила меч-рыба. — Не ему наделать такого переполоха в море и перепугать больших рыб!
И все рассказали угрю о новом угре и спросили, не отправится ли и он вместе с ними на разведку.
— Коли тот угорь длиннее меня, так надо ему шею свернуть! — сказал угорь.
— Да, да! — подхватили другие. — Нас довольно, чтобы не спустить ему!
И они двинулись вперед.
Но вот что-то загородило им дорогу, что-то чудовищное, превосходящее своей величиной всех их вместе! Чудовище походило на плавучий остров, который не мог удержаться на поверхности.
Это был старый-престарый кит. Голова его вся поросла водяными растениями, а черная спина была усажена разными гадами и такой массой устриц и ракушек, что казалась вся в белых пятнах.
— Пойдем с нами, старина! — сказали они ему. — Тут появилась новая рыба, которая не может быть терпима!
— Нет, я лучше останусь на месте! — сказал старый кит. — Оставьте меня в покое! О-хо-хо! Я совсем разболелся! Только и облегчения, что всплыть на поверхность да выставить из воды спину! Тогда прилетают добрые, большие морские птицы и ковыряют мне спину. Славно! Если только они не запускают клювов слишком глубоко в жир, а это часто бывает. Вот глядите! Я так и таскаю на спине целый птичий остов! Птица запустила когти слишком глубоко и не могла высвободиться, когда я нырнул вглубь. Теперь рыбки пообчистили ее. Полюбуйтесь-ка на нее да и на меня! Ох, я совсем расхворался!
— Ну, это одно воображение! — сказал молодой кит. — Я никогда не хвораю! Ни одна рыба не хворает!
— Извините! — сказал старый кит. — У угря болит кожа, у карпов бывает оспа, и у всех у нас глисты!
— Чепуха! — сказала акула.
Ей не хотелось больше слушать, да и остальным тоже — у них было другое дело.

Наконец, они добрались до места, где лежал телеграфный кабель. Он тянулся через весь океан от Европы до самой Америки, по песчаным мелям, по морскому илу, скалистому грунту, сквозь чащу водяных растений, через целые леса кораллов. Тут, в глубине течения, встречаются, образовываются водовороты, кишат несметными стаями рыбы; их тут больше, чем птиц в поднебесье во время перелета. Движение, плеск, гул, шум... Отголосок этого шума слышится еще внутри больших пустых раковин, если приложить их к уху.

— Вон он лежит! — сказали большие рыбы, а за ними и маленькая, которая первая пустилась на разведку. Они увидели кабель, начало и конец которого терялись из вида.

Губки, полипы и горгоны колыхались на дне, опускались и наклонялись над кабелем, так что он то совсем скрывался под ними, то опять показывался. Морские ежи, слизняки и червяки тоже копошились около него; исполинские пауки, носившие на себе целые поселки паразитов, шагали вдоль по кабелю. Темно-голубые морские колбасы, или как там зовут тех гадов, что едят всем своим телом, лежали смирно и словно принюхивались к новому созданию, лежавшему на дне моря. Камбала и треска перевертывались в воде с боку на бок, чтобы слышать на все стороны. Морские звезды, которые вечно зарываются в ил, выставляя наружу только два длинных хоботка с глазами, лежали и таращили глаза в ожидании, что выйдет из всей этой кутерьмы.

Кабель лежал недвижимо, но внутри его кипела жизнь, работали мысли — он ведь был проводником человеческих мыслей!

— Хитрит он! — сказал кит. — Пожалуй, возьмет да и хлестнет меня в живот, а это мое самое больное место!

— Надо пощупать его! — сказал полип. — У меня длинные руки, гибкие пальцы! Я уже трогал его слегка, а теперь возьмусь покрепче! — И он протянул свои гибкие длиннейшие руки к кабелю и обвил его.

— Чешуи на нем нет! — заявил полип. — И кожи нет! Он вряд ли рождает живых детенышей!

Морской угорь растянулся рядом с кабелем и вытянулся как только мог.

— Нет, эта штука длиннее меня! — сказал он. — Ну, да не в одной длине дело, надо тоже иметь и кожу, и желудок, и гибкость!

Молодой силач-кит погрузился чуть не на самое дно; так глубоко он еще никогда не погружался.

— Рыба ты или растение? — спросил он. — Или ты просто человеческая выдумка? Тогда тебе не поздоровится!

Телеграфный кабель безмолвствовал: он хоть и разговаривает, да не так; он передает человеческие мысли, которые пробегают в одну секунду сотни миль.

— Или отвечай, или мы загрызем тебя! — крикнула свирепая акула, за нею повторили то же и остальные:

— Или отвечай, или мы загрызем тебя!

Но кабель не двигался, он думал свое. И как ему было не думать, если он был полон мыслями! Он думал: «Грызите себе на здоровье! Испортите — меня вытащат да исправят! Случалось это с нашим братом, хоть и не в таких больших морях!»

Вот почему он и не отвечал. К тому же он был занят другим — телеграфировал: он ведь лежал здесь, на дне, по служебной обязанности.

А над морем заходило солнышко, как выражаются люди; оно горело, как жар, и облака на небе тоже горели, как жар, одно великолепнее другого.

— Теперь нас осветит красным огнем! — сказали полипы. — Тогда, пожалуй, и эту штуку будет виднее, если это вообще нужно.

— Ату его! Ату его! — закричал морской кот, оскаливая зубы.

— Ату его! Ату его! — закричали меч-рыба, кит и морской угорь. Все бросились вперед, морской

кот впереди всех, но только что он
хотел укусить кабель, как меч-рыба сгоряча угодила ему своим мечом прямо в зад! Это была большая ошибка, и морской кот так и не укусил кабеля — ослабел!
Пошла кутерьма: большие и малые рыбы, морские колбасы и слизняки сталкивались, тискались, давили, мяли и пожирали друг друга. А кабель лежал себе смирнехонько и делал свое дело. Так оно и следует.
Над морем спустилась ночная тьма, но в море засветились мириады живых маленьких созданьиц. Светились даже раки величиной меньше булавочной головки! Диковинно, но это так!
Обитатели моря смотрели на кабель: что же это за штука?
Да, вот был вопрос!
Тут явилась старая морская корова; люди зовут ее «морской девой», или «водяным». Это была особа женского пола, с хвостом, двумя короткими лапами для гребли и висячими грудями; голова ее была покрыта водорослями и паразитами, чем она очень гордилась.
— Хотите вы знать, в чем дело? — сказала она. — Я одна могу дать вам объяснение. Но я требую за это свободного пастбища на дне морском для меня и всех моих. Я такая же рыба, как и вы, а благодаря упражнению стала и ползучим животным. Я умнее всех в море, я имею сведения обо всем, что двигается внизу и наверху. Штука эта, над которой вы ломаете себе головы, явилась сверху, а все, что является оттуда, мертво или сейчас же умирает, становится бессильным. Так пусть она себе лежит! Это человеческая выдумка и больше ничего!
—Ну, а по-моему, она значит кое-что побольше! — возразила маленькая рыбка.
—Молчать, макрель! — сказала морская корова.
— Ах ты, колюшка! — сказали другие, и это вышло еще обиднее. И морская корова объяснила им, что вся эта громкая штука, которая
в сущности-то и не пискнула даже, только выдумка людская. Затем она прочла небольшую лекцию о коварстве и злобе людей.
—Им хочется изловить нас всех! Они только для того и живут! Закидывают сети, крючки с приманкой — все, чтобы подманить нас. И эта штука тоже нечто вроде большой удочки — они думают, что мы все так сразу и вцепимся в нее зубами! Глупые! А мы-то не глупы! Только не троньте этой дряни, она изветшает сама, станет трухой, тиной! Все, что является оттуда, сверху, — гниль, дрянь, никуда не годится!
—Никуда не годится! — подхватили все остальные, присоединяясь к мнению морской коровы: надо же иметь хоть какое-нибудь!
Но маленькая рыбка осталась при особом мнении. «А, может статься, этот огромный, тонкий змей — диковиннейшая морская рыба? Сдается мне, что так!»
«Да, это нечто диковиннейшее!» — скажем вместе с нею и мы, и скажем сознательно и уверенно. Это-то и есть тот большой морской змей, о котором исстари твердили нам песни и предания.
Он — порождение человеческого ума. Люди спустили его на дно морское, и он тянется там от восточной страны до западной, передавая вести с такою же быстротой, с какой доходит до земли луч солнца.
И змей этот все растет в длину, становится все сильнее год от года, проходит по всем морям, окружает кольцом всю землю, прячась то в бурных, то в тихих и таких прозрачных волнах, что шкипер видит в них — словно плывет в прозрачном воздухе — мириады рыб и целый фейерверк красок.
Глубоко-глубоко под водою, на самом дне, покоится этот змей, благодатный змей Мидгорд (В сев. мифологии — гигантский змеи, окружающий кольцом всю землю и Рагнароке способствующий истреблению богов. — Примеч. перев.), окружающий кольцом всю землю и кусающий свой

собственный хвост. О него с разлету стукаются лбами рыбы и гады и все-таки не понимают значения этой штуки, не понимают, что это — полный человеческих мыслей, говорящий на всех языках и в то же время немой хранитель тайн, чудо из морских чудес, современный большой морской змей .